

DOI: 10.18721/JHSS.11101

УДК: 165

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

С.В. Пирожкова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

В статье представлены результаты анализа теоретического содержания концепта «социальные ожидания» и его взаимосвязи с близкими теоретическими конструкциями. Охарактеризованы предпосылки формирования данного концепта, обусловленные развитием как социальной теории и ее теоретико-познавательных оснований, так и динамикой социальной практики, требующей новых форм осмысления и регулирования. Прояснено понятие «ожидание», раскрываются его эпистемологический и деятельностный смыслы, соотношение с понятиями «знание», «предвосхищение», «предвидение». Автором прослеживается преемственность проблематики, связанной с феноменом рефлексивности предсказаний, в том числе анализом рефлексивности публичных предсказаний, и проблематики, связанной с изучением индивидуальных и коллективных ожиданий в экономических и социологических исследованиях. Специфика концепта «социальные ожидания» заключается в акцентировании деятельностного характера ожиданий и их роли как порождающего фактора, а не только репрезентации социального процесса. Подобное смещение акцента отличает данное понятие от концептов рациональных и адаптивных ожиданий в экономике, делающих акцент прежде всего на эпистемическом понимании ожиданий. Показано, что понятие «социальные ожидания» в целом позволяет проводить исследовательскую работу, связанную с фиксацией и осмыслением особенностей современного общества, в частности, особенностей функционирования социального контура технологического развития.

Ключевые слова: социальные ожидания, знание, информация, горизонт ожиданий, адаптивные ожидания, рациональные ожидания, рефлексивность предсказаний

Ссылка при цитировании: Пирожкова С.В. Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 7-18. DOI: 10.18721/JHSS.11101

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

SOCIAL EXPECTATIONS: EPISTEMIC BASIS AND ROLE IN THE KNOWLEDGE SOCIETY

S.V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

The article presents the results of the analysis of the theoretical content of the concept “social expectations” and its relationship with similar theoretical constructions. The article describes the prerequisites for the formation of this concept, due to the development of social theory and its theoretical and cognitive foundations on the one hand, and the dynamics of social practice, which requires new forms of understanding and regulation on the other hand. The concept of “expectation” is clarified, its epistemological and activity meanings are revealed, as well as its relation to such concepts as “knowledge”, “anticipation”, and “prevision”. The author traces the continuity of issues related to the phenomenon of reflexivity of predictions, in particular, the analysis of the reflexivity of public predictions, and issues related to the studies of individual and collective expectations in economic and sociological research. The specificity of the concept “social expectations” is to emphasize the activity

nature of expectations and their role as a generating factor, not just a representation of the social process. This shift in emphasis distinguishes this concept from the concepts of rational and adaptive expectations in economics, which focus primarily on the epistemic understanding of expectations. It is shown that the concept of social expectations allows carrying out exploration related to fixing and understanding the features of modern society, in particular, the features of the functioning of the social context of technological development.

Keywords: social expectations, knowledge, information, horizon of expectations, adaptive expectations, rational expectations, reflexivity of prediction

Citation: S.V. Pirozhkova, Social expectations: epistemic basis and role in the knowledge society, *Society. Communication. Education*, 11 (1) (2020) 7-18. DOI: 10.18721/JHSS.11101

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение: постановка проблемы

Индивидуальные и коллективные ожидания к настоящему времени стали предметом исследования целого ряда социогуманитарных дисциплин – от когнитивной психологии до экономики. Особенность такого исследовательского направления, как социальные исследования науки и технологий (Social Studies of Science, Technology and Society, STS), заключается в его междисциплинарном характере, предполагающем возможность получения системного представления о феномене ожиданий с учетом достижений разных наук. К этому безусловному достоинству прибавляется то, что объектная специфика изучаемых в такой комплексной оптике ожиданий относится к ключевым проблемам современного социогуманитарного знания – не просто взаимосвязанным, но теснейшим образом переплетающимся между собой процессам: 1) роста научного знания, 2) прогресса материальных (технологических) возможностей человека и создаваемой благодаря им искусственной среды, 3) эволюции социальных отношений. Поскольку речь идет об исследованиях, имеющих социологическую направленность (хотя и в самом широком понимании, учитывающим многообразие современных исследований социального – их предметного охвата и методологического инструментария), ожидания, изучаемые в рамках STS, – это прежде всего социальные ожидания. Задача настоящей статьи – прояснить специфику данного концепта, теоретические и прагматические предпосылки его формирования и его взаимосвязь с родственными теоретическими конструкциями, указать те аналитические задачи, которые он позволяет решать, в том числе показать его значение для работы с реалиями современной социально-экономической организации общества, отраженными в таких понятиях, как «биокапитализм», «когнитивный капитализм», «общество знаний», «экономика знаний» и др.

Методология

При решении поставленной задачи мы опирались на терминологический и концептуальный анализ, который разворачивали на материале как философско-методологических и эпистемологических работ, так и теоретических работ в таких областях, как экономика и социология. Наибольшее внимание было уделено обобщающим теоретическим работам по социологии ожиданий [1–3], обзорным и полемическим работам по экономическим теориям адаптивных и рациональных ожиданий [4–6], классическим работам по анализу феномена самосбывающихся/саморазрушающихся предсказаний [7–9]. При анализе также использовались наработки автора в области исследования теоретико-познавательных вопросов прогностической деятельности, эпистемологического значения антиципации, методологии социального и технологического прогнозирования.

Знание как объективный феномен и рефлексивность предсказаний

Для обыденного мышления продолжает оставаться само собой разумеющимся доминировавшее на протяжении столетий принципиальное разведение знания, принадлежащего субъекту, и

объекта, субъекту противостоящего. Объект – то, что существует в реальности за пределами моей головы. Знание – то, как отражается объект в моей голове, или отражение объекта в моем индивидуальном сознании и в сознаниях других людей как таковое. К. Поппер полагал, что подобное отражение может быть объективировано, перенесено из сферы психического в сферу мира 3 – особого уровня реальности, отличимого от двух других уровней – мира 1 (природы) и мира 2 (психики) – благодаря тому, что он объединяет результаты взаимодействия мира 1 и мира 2, а именно результаты познавательной деятельности.

Казалось бы, Поппер лишь усиливал идею отличия (онтологического) знания от объективной реальности, ведь они относились им к различным уровням действительности. Однако делая это, Поппер учитывал, что взаимодействуют между собой не только мир 1 и мир 2, но и каждый из них с миром 3. Опираясь на эту идею, можно сделать следующие выводы. Знания – не просто картинки, развешенные на стенах галереи человеческого сознания. Но они не сводятся и к хранилищам фолиантов за стенами библиотек. Знания, содержащиеся в этих фолиантах, влияют на человеческое сознание, а посредством этого на его действия, которые в свою очередь влияют на мир объектов. Таким образом, знания объективируются не просто в качестве мира 3 – мира библиотек и баз знаний, но в качестве знаний, овеществленных в человеческой деятельности и ее продуктах. Более того, мир, в котором живет современный человек, – это мир вторичных объектов, появившихся только благодаря знаниям. Знания, следовательно, – фактор преобразования и порождения объективного мира, феномен, имеющий объективное, а не только субъективное существование.

Разумеется, к объективному онтологическому статусу знания можно адресовать те же претензии концептуального плана, которые обращались против концепции мира 3. Попперовские заверения, что знания продолжат существовать и после исчезновения последнего человека, выглядят передергиванием. Знания должны быть включены в процессы производства, хранения, передачи, они требуют для своего существования мир 2, потому что без человеческого сознания книги – только бумага и типографическая краска, листы с символами и более ничего. Здесь стоит заметить, что миры Поппера организованы иерархически и вообще это не разные миры, не разные реальности, а именно разные уровни одной реальности. Перед нами своеобразная пирамида, в которой каждый следующий этаж онтологически зависит от предыдущего. Если уничтожить мир 1, то мир 2 и мир 3 тоже исчезнут, но и мир 3 перестанет существовать именно как мир 3, если исчезнет только мир 2. Таким образом, важность концепции Поппера не столько в признании автономности знания – которая действительно весьма условна, сколько в высвечивании того факта, что знание должно рассматриваться как составляющая объективной реальности, хотя этой составляющей оно становится только посредством реальности субъективной.

Объективный статус знаний эксплицируется Поппером при анализе более частной проблемы – того, что он называет эффектом Эдипа и что хорошо известно под именем «самосбывающихся высказываний о будущем», или «самоосуществляющихся пророчеств» [7], а также под именем «рефлексивных предсказаний» [8]. В этом контексте Поппер понимает объективность знания уже без оговорок в том же смысле, который мы получаем через уточнение и корректировку его концепции объективного знания (мира 3). Он указывает, что «предсказание является социальным событием, которое может взаимодействовать с другими социальными событиями, в том числе и с тем, которое оно предсказывает» [9, с. 58]. При этом он апеллирует не столько к специфике именно прогностических по своему содержанию суждений, сколько к общему эффекту «влияния информации на ситуацию, к которой эта информация относится» [9, с. 57]. Подобный ракурс позволяет считать самосбывающиеся высказывания о будущем частным случаем универсальной способности наших знаний влиять на окружающую реальность, а сама эта способность обусловлена тем фактом, что познающий субъект и познаваемый объект «принадлежат одному и тому же физическому миру действия и взаимодействия» [9, с. 58].

Анализируя эффект Эдипа, Поппер выходит на несколько проблем. Первая связана с включенностью знания в индивидуальную деятельность, что в случае сингулярных высказываний о будущем и приводит к эффектам самоосуществления или саморазрушения предсказываемого события. Поскольку, во-первых, предсказания всегда условны, во-вторых, по крайней мере, на некоторые условия человек способен повлиять и, в-третьих, человеческие интересы выходят за границы желания получать только истинные знания, включая истинные предсказания, сингулярные высказывания о будущем в реальном контексте индивидуальной жизнедеятельности становятся инструментом конструктивного взаимодействия с реальностью. Вторая проблема заключается в том, что если истинность таких высказываний зависит от условий, на которые мы влияем, то наша собственная деятельность должна подлежать предвидению. В противном случае наши предсказания будут относиться не к реальной ситуации, а к упрощенному развитию событий, исключающему действия информированных субъектов. Но если такое предвидение сравнительно просто реализовать в отношении самого субъекта предвидения (и то далеко не всегда, поскольку возможность предвидения связана с прозрачностью мотивации, рациональностью поведения и, наконец, контролируемостью действий), задача усложняется, когда помимо него на условия могут повлиять и другие субъекты. Она еще более усложняется, если высказывание о будущем превращается в социальный факт. Здесь становится очевидным различие частных и публичных предсказаний, обнаруживающее третью проблему – если одно и то же предсказание, будучи частным, скорее всего верифицируется, то обретая публичность, оно оказывается ложным и в конечном счете фальсифицируется (или наоборот: предсказание даже маловероятного события, будучи публично озвученным, верифицируется).

Саморазрушение преданных широкой огласке предсказаний стала значимой темой в экономических исследованиях в первой половине XX в., породив несколько стратегий решения вопроса о том, как сделать прогнозирование и планирование эффективными в условиях информированности граждан. Некоторые теоретики считали возможным при процедурах учета эффекта ответной реакции потребителей все-таки делать верные предсказания (О. Моргенштейн, Г. Модigliани), другие, как Ф. Хайек, полагали, что стратегия контроля над экономикой обречена на неудачу и потому следует довериться саморегулированию рынка. Последнее одновременно предоставляет определенные возможности для прогнозирования благодаря «рынкам предсказаний», на которых сами ожидания функционируют в соответствии с рыночными механизмами [10]. К середине XX в. эти дискуссии привели к формированию мощного направления исследований экономических ожиданий, в которых проблематика приобретения и использования знаний дополнилась анализом информации как важнейшего фактора экономической динамики.

Знания и ожидания

Почему изучение предсказаний и высказываний о будущем трансформируется в исследование ожиданий? В чем специфика данного концепта? Почему мы говорим об ожиданиях, а не знаниях о будущем?

С точки зрения уже упоминавшего К. Поппера, в общем и целом ожидания и знания – это одно и то же, поскольку все знания имеют форму ожиданий (то есть обладают упреждающим опытом потенциалом), а все ожидания, включая те, которые не имеют психического, но только биологическое воплощение (то есть различные виды адаптаций) – суть разновидности знания. Ожидания – фундаментальный для человеческого существа (и не только человеческого) феномен, обусловленный имеющимся у человека восприятием времени, которое в свою очередь опирается на такую особенность его существования, как темпоральность. Знания как продукт деятельности такого существа, включенный в последующую его деятельность, имеет форму предвосхищения.

Вместе с тем кажется, что знания, даже, если мы признаем, что они имеют форму предвосхищения (в силу своего универсального характера, относимости не только к актуально данному, но

и объектам возможного опыта) и возникают благодаря предвосхищениям (догадкам, гипотезам, эвристическим предсказаниям, следующим из новых теорий), все-таки не сводятся к предвосхищениям (тем же догадкам) и отличаются от них. Такая интуиция возникает потому, что предвосхищение трактуется как предзнание, как что-то предварительное, а следовательно, неполноценное. Предварительность указывает на отсутствие либо соответствующего опыта (эмпирических знаний), либо необходимых теоретических знаний — таких, которые относятся к теориям, эмпирически проверенным и подкрепленным. Отсюда понятно, что неполноценность заключается в отсутствии необходимого эмпирического содержания, в использовании эмпирических знаний о каких-то уже эмпирически освоенных объектах/ситуациях для представления объекта/ситуации, еще не включенного/включенной в актуальный опыт. В отличие от предсказаний, получаемых из эмпирически подкрепленных теорий или апробированных моделей, предвосхищение не обладает такими характеристиками, как обоснованность и достоверность. Чтобы приравнять предвосхищение к знанию, мы должны уточнять последнее понятие, в частности, предполагая, что знание может быть недостоверным и весьма проблематичным. Для Поппера так дело и обстоит: любое знание проблематично и погрешимо и может быть опровергнуто в любой момент. Однако если мы обращаемся к познавательной прагматике, то в ее рамках знания отличаются от предвосхищений, потому что в качестве знаний определяются те представления, относительно которых мы можем утверждать, что они в достаточной мере обоснованы — настолько, чтобы признавать их, если не истинными, то, по крайней мере, достоверными.

Итак, между знанием и предвосхищением имеется если не сущностное, то как минимум прагматическое различие. Но и понятие «ожидание» не тождественно понятию «предвосхищение». Предвосхищение характеризует только эпистемическую природу ожидания — получение знания о том, о чем нельзя получить достоверное знание, в том числе в силу факта несуществования объекта (как в случае будущего события). Понятие «ожидание» фокусирует внимание не на познании, а на жизнедеятельности субъекта. Ожидания — это такое предвосхищение, которое встроено в жизнедеятельность, обеспечивает ее структуру, направление, целостность. Поэтому ожидания — это предвидение как элемент практической деятельности и жизнедеятельности в целом. В этом смысле Поппер, заявляя, что все знания суть ожидания, утверждает не только то, что знания имеют опережающий опыт характер, но и то, что они включены в жизнедеятельность субъекта/агента познания.

Вводимое К. Поппером понятие «горизонт ожиданий» указывает на то, что в познавательной, а значит, и в любой иной деятельности (в силу ее зависимости от познания), актуальный опыт и актуальные действия определяются не только текущей ситуацией и ее восприятием, но через последнее — совокупностью предустановок, не менее актуальных условий определяющих поведение агента. Ожидания играют амбивалентную роль, позволяя знать больше того, что актуально представлено, но и затрудняя познание того, что плохо или совсем не укладывается в границы ожидаемого. Уже здесь явно обнаруживает себя конструктивный характер ожиданий, как в отношении продуктов познания, так и объективного будущего, поскольку определяя действия субъекта, ожидания, влияют и на динамику объективных процессов, в которых субъект участвует.

Итак, в отличие от знаний ожидания, во-первых, включают в себя не только эпистемические продукты, отвечающие обозначенным выше критериям, которые позволяют отличить знание от предзнания, но и такие продукты, которые следуют относить к предзнанию. Во-вторых, они являются не чисто познавательным, но деятельностным феноменом, элементом целостной жизнедеятельности. В-третьих, в качестве такого элемента ожидания имеют конструктивный характер, формируя действия и посредством них те объекты и предметные области, состояние которых в них предвосхищается.

Ожидания в экономической и социологической исследовательских перспективах

Специфика социальных ожиданий как теоретического конструкта и фиксируемой им реальности заключается, во-первых, в том, что речь идет об ожиданиях, которые могут быть противопостав-

лены индивидуальным, то есть таких, которые имеют коллективный, социально обусловленный и социально воплощенный характер. Поскольку индивид включен в социум, его индивидуальные ожидания являются в значительной степени социальными, то есть социально обусловленными, хотя бы отчасти разделяемыми с другими индивидами, а потому коллективными, и социально воплощенными в той мере, в какой он участвует в социальных процессах как актер, а не пассивный реципиент. Во-вторых, мы говорим о социальных ожиданиях как об объекте широкого ряда социологических исследований, что как минимум предполагает социальную природу и социальную воплощенность таких ожиданий. Наконец, в-третьих, спецификация «социальный» относится, как правило, к ожиданиям, предметом которых выступает нечто социальное – общество в целом, какие-то общественные институты и процессы или перспективный социальный функционал (который может быть связан с самыми разнообразными объектами). При этом когда речь идет о таких подсистемах, как экономика или политическая сфера, говорят об экономических и политических ожиданиях.

В отличие от мировоззрения или закрепленных в культурных нормах и традициях устоявшихся представлений ожидания – подвижная, постоянно трансформирующаяся система представлений, относящихся к будущему социальному опыту. Интерес к социальным ожиданиям, особенно в случае ожиданий от технологического развития, как можно судить по исследовательским работам [2, 3], продиктован не столько их эпистемологической спецификой и желанием ее изучения (как в случае «горизонта ожиданий»), сколько их созидательную ролью в отношении различных социальных процессов. Как отмечает Э. Грюнберг, анализируя дисциплинарные различия в исследовании рефлексивных предсказаний, если экономистов интересует прежде всего проблематика саморазрушающихся, то социологов – самосбывающихся публичных предсказаний [8]. То же различие описывает взаимоотношения экономического и социологического подходов к пониманию коллективных ожиданий. Для первого характерна эпистемологическая оптика рассмотрения: исследуя экономическое поведение как составляющую экономической динамики, ученый обнаруживает, что помимо знаний о происходящих процессах экономические агенты вынуждены опираться на ожидания, то есть правдоподобные предвосхищения динамики того или иного показателя. Опираясь на знания, экономический агент действует довольно предсказуемо, и чтобы его поведение оставалось предсказуемым, надо понимать, как он ориентируется в ситуации, когда будущее не схватывается в форме достоверных знаний. Такая ситуация – это ситуация неопределенности, степень которой агент снижает за счет использования имеющейся и приобретения новой информации. Он может работать с ней путем экстраполяции или путем обучения на ошибках, может действовать в соответствии с идеалом классической рациональности (то есть стремиться к получению всего доступного объема информации и к обладанию истинными представлениями о принципах функционирования экономической системы), а может руководствоваться принципом максимизации и оценивать, какие ресурсы допустимо тратить на получение информации (модели с ограниченной рациональностью) [6].

При этом концепция рациональных ожиданий, наиболее влиятельная макроэкономическая теория, исходит из того, что «агенты знают или способны построить “истинную”, по крайней мере, вероятную, модель экономики» [6, с. 208]. Как критически замечает экономист Б. Фридман, концепция опирается на допущение, согласно которому «экономический агент не только обладает знанием обо всех относящихся к делу текущих и прошлых наблюдениях, а также знанием будущих значений отдельных временных рядов, но обладает также тем дополнительным знанием, которое необходимо для того, чтобы трансформировать эту информацию в *действительно* (курсив Б. Фридмана. – С.П.) объективные условные ожидания относительно предсказываемых временных рядов» [4, р. 26–27]. Дальнейшие исследования демонстрируют, что это слишком сильное допущение. На практике существует целый ряд ограничений на возможность получения дополнительной информации и соответствующего повышения рациональности ожиданий. Одно

из самых явных связано с издержками, которыми оборачивается наращивание информационной базы. В многих ситуациях для экономического агента выгоднее рискнуть, чем продолжать сбор информации. Вследствие этого некоторые предвосхищения оказывается невозможным «подтянуть» до уровня хорошо обоснованных прогнозов. Это не означает, что решения остаются недообоснованными, но их обоснование не сводится к познавательной фундированности и неопределенность признается как неустраиваемая.

Неопределенность подкрепляется возрастающей ориентированностью экономики на инновационное развитие – формирование новых продуктов и новых рынков, новых средств производства и новых производственных отношений. Технические и технологические новации становятся основным фактором динамики экономических процессов, способным радикально трансформировать хозяйственную сферу трудно предсказуемым образом. Экономический интерес провоцирует рост интенсивности процессов разработки и внедрения новаций. В результате модели принятия решений экономическими агентами приходится подстраивать под реальность, в которой быстрое возникновение нового обесмысливает традиционные стратегии работы с неопределенностью. В частности, это обуславливает смещение акцента с прогнозных на проектные формы работы с будущим, когда провозглашается, что прогноз принципиально не устраняет неопределенность, но лишь позволяет в ней ориентироваться. Сама неопределенность мыслится не как абсолютный хаос, но как некоторым образом упорядоченное пространство возможностей. Прогноз уменьшает неопределенность только в той степени, в какой представляет эту упорядоченность различных вариантов, и дальнейшее снижение неопределенности уже связано не с накоплением информации, а с конструктивными действиями. Так ведущее значение получают все эпистемические продукты, которые вовлечены в эти действия, начиная от универсальных научных знаний и кончая ожиданиями и далеко не только рациональными. В силу особенностей современных коммуникаций – увеличения их объема, плотности, возможности подключения к ним практически любого члена общества – коллективные и социально воплощенные ожидания, вопросы их формирования и роли в различных общественных процессах получают не меньшее внимание исследователей, чем проблемы критики и совершенствования прогнозной методологии.

Технологическое развитие, общество знаний и информационное общество

Не только экономическая динамика определяется научно-техническим прогрессом, зависимость обоюдная, и развитие науки и технологий испытывает воздействие экономических процессов. Чем более интенсивными становятся процессы в обеих областях, тем явственнее эта зависимость, что приводит к возникновению концепций, пытающихся ее описать и объяснить (экономика знаний, когнитивный капитализм, биокапитализм). Если с точки зрения предпринимателей и экономистов, технологии – основной драйвер роста, то с точки зрения историков и философов науки, фундаментальные и прикладные исследования направляются запросами хозяйствующих субъектов – государственных и частных, готовых финансово вкладываться в сферу НИОКР. Отсюда интерес к ожиданиям не только в экономической науке, но и в комплексе исследований науки и техники в их взаимосвязи с обществом. Как пишут Л. Санз-Менендес и С. Кабэлло, «ожидания (или другие понятия, относящиеся к будущему) превратились в центральные темы в дискуссиях вокруг событий в области науки и технологии, а также инноваций. Главными источниками, вдохновившими эти новые социологические подходы, стали социальный конструктивизм и анализ социо-технических сетей» [11, с. 233]. То есть и здесь тон задают обозначенные выше перенос акцента с познавательной на созидательную деятельность и изучение тех коммуникативных процессов, которые делают возможным функционирование сферы НИОКР (как и любой другой подсистемы социального целого). Охарактеризуем подробнее, с чем именно позволяет работать понятие «социальные ожидания» в рамках STS.

Прежде всего оно отражает понимание того, что источником технологического развития выступают не только имеющиеся фундаментальные открытия и прикладные разработки, а также не только экономические, но и широкий спектр социальных интересов. Для появления нового технологического объекта необходимы 1) требуемые для изобретения знания-что и знания-как; 2) само изобретение и проект его реализации; 2) капитал, который будет вложен в: а) исследования, предшествующие изобретению, б) инженерно-конструкторские работы, в) производство; 3) социальная потребность, которую будет удовлетворять данное изобретение. Именно общественные потребности формируют условия для инвестирования, которое позволяет сделать возможные научно-конструкторские работы актуальными. Сами такие потребности, будучи выраженными в ожиданиях от технологического развития, тоже можно рассматривать в качестве символического капитала. Тому, кто собирается «раскрутить» инновационный продукт, приходится работать не только с ожиданиями инвесторов, но и с социальными ожиданиями, причем посредством далеко не одной рекламы.

Как отмечается во вступительной статье к тематическому выпуску журнала «Technology Analysis & Strategic Management», посвященному исследованию социальных ожиданий в контексте STS, научно-технический прогресс движется воображением. Поэтому дискурс будущего не только зависит от развития науки и технологий, но и сам определяет это развитие. Понятие социальных ожиданий указывает на тот факт, что воображение, движущее науку и технику, не локализуется исключительно в головах ученых и инженеров. Круг социальных акторов, задействованных в технологическом развитии, оказывается куда более широким, включающим промышленников и представителей исполнительной власти, политиков, законодателей, общественные организации, профессиональные и гражданские сообщества и т. д. Каждый такой актор погружен в локальную среду, отличающуюся от среды, в которой существует другой актор, поэтому они обладают разными ожиданиями. Как, впрочем, и в случае ожиданий как фактора экономического развития, речь идет не только о выделенной позиции некоторого субъекта, который опирается на собственные ожидания при принятии решений, но о пространстве различных ожиданий, которые, интерферируя, создают эффекты поддержки или неприятия каких-то новаций, возрастания или падения стоимости каких-то активов и товаров.

Из сказанного следует, что вектор развития задают не некоторые объективные общественные потребности, но изменчивые, трансформирующиеся и трансформируемые представления о возможностях науки и техники и о последствиях реализации этих возможностей. Генезис таких представлений – отдельная эпистемологическая проблема. Помимо прогнозной составляющей – заключений на основании имеющейся информации, они формируются за счет 1) свободного достраивания этой информации (достраивания, выходящего за рамки предвидения в область свободной игры воображения, результаты которой не подвергаются сознательной проверке и принимаются некритически), 2) ошибок в интерпретации имеющихся данных и, наконец, 3) целенаправленного манипулирования информацией.

Генезис социальных ожиданий от технологического развития может быть реконструирован через оппозицию феноменов знания и информации. До настоящего момента в данной статье понятия «знание» и «информация» не разводились и использовались, как может показаться, в качестве синонимов. Это не так, но для решаемых выше задач акцентирование различия знания и информации было излишним, поэтому отсутствие между ними полной синонимии не эксплицировалось, хотя и учитывалось. Далее такая экспликация, наоборот, позволит прояснить ряд аспектов порождения социальных ожиданий.

Если мы исходим из того, что современное общество – это общество, где акторы действуют, опираясь на обоснованные и систематизированные представления о различных объектах реальности, социальные ожидания можно мыслить как рациональные и по своим эпистемическим характеристикам близкие к прогнозам. Если же мы исходим из того, что общественные процес-

сы и действия людей определяются потоками в разной мере упорядоченной и в разной степени доступной для интерпретации информации, то возникающие в такой среде ожидания будут существенно различаться по своим познавательным качествам. Здесь также нужно учитывать контекстуальность понятий «знание» и «информация». То, что для одного выступает источником знаний (как для биохимика периодическое издание по биологической химии), то для другого оказывается источником данных, которые могут не сообщать никаких знаний вообще (как те же статьи из биохимического журнала для менеджера по персоналу). Даже если неспециалист и способен почерпнуть что-то из публикации по узкой профессиональной теме, то это будут знания сравнительно скудные по сравнению с теми, которые способен извлечь специалист.

Социальные ожидания от технологического развития формируются в условиях общественной системы, реализующей характеристики двух идеальных типов – общества знания и информационного общества. С одной стороны, знание в современном обществе – ценность и ресурс, с другой – циркулируя в информационных потоках, оно трансформируется в информацию, которая может превратиться в весьма разные знания, то есть быть по-разному проинтерпретирована и инкорпорирована в разные картины мира и деятельностные структуры. Что касается научных знаний, то обществу они доступны не только сами по себе, но и в форме знаний о знаниях (популяризация и адаптация), информационных сообщений о знаниях, интерпретации таких сообщений, весьма разнообразного рекламного контента и т. д. И если популяризация еще предполагает гарантию отсутствия существенных искажений, то иные информационные каналы (журналистика, социальные сети, маркетинговые источники и пр.) такой гарантии не дают. Как отмечает Дж. Гайс, основная цель рекламных компаний, обслуживающих нужды инновационной экономики, заключается в продвижении новаций, даже в ситуации, когда то, что предлагается, недостаточно обосновано с точки зрения научных стандартов [1]. Если речь идет о недообоснованности в плане финансовых и потребительских возможностей превращения некоторой идеи в инновацию, то она в таких случаях преодолевается конструктивно – за счет действия эффекта Эдипа. При этом в ситуации, когда специалист способен разобраться в неполной или искаженной картинке, неспециалист этого сделать не может. Отсюда и другая особенность маркетинговой информации – она всегда контекстуальна и субъектнонаправлена [12].

Разнообразие информации и воспринимающих ее субъектов и формирует социальные ожидания как феномен изменчивый не только во времени, но пространственно изменчивый [2], позволяя манифестировать различных акторов. Здесь важно, что неоднородность ожиданий обусловлена не только эпистемической неоднородностью субъектов, но и неоднородностью их интересов и ценностей. Ожидания ученого-фармаколога, управляющего фармакологической компанией, пациента, страдающего от болезни, для которой не существует эффективного лечения, чиновника, занимающегося вопросами здравоохранения, будут различаться не только в силу различия их знаний, но и тех выгод или рисков, которые обещает им возможный инновационный продукт. Между научным прогнозом и ожиданием как феноменом, встроенном в жизнедеятельность, остается зазор, ведущий к различным стратегиям работы с неопределенностью, оценкой рисков и выгод. Социальные ожидания от технологического развития не являются в полной мере рациональными, и речь идет не только об «эмоциональной окраске» [2, р. 292], но и об эмоциональных истоках, по крайней мере, ряда из них. Вместе с тем понятие «ожидания» позволяет рассматривать разнообразие интересов и ценностей как разнообразие деятельностных позиций и, следовательно, соответствующего опыта. Это обеспечивает возможность продолжать анализ с помощью эпистемологического инструментария.

Неоднородность ожиданий обусловлена и формой их существования. Под социальной воплощенностью ожиданий следует понимать не только массово разделяемые предустановки, но и различные формы выражения этих предустановок – тексты, аудио- и видеоматериалы, публичную риторику [12]. Такая представленность ожиданий позволяет использовать для их фиксации и мониторинга инструментарий, например, когнитивной семантики [13]. Отслеживание динамики ожиданий (их неоднородности во времени) становится (ввиду всего сказанного выше) неотъем-

лемой частью технологического прогнозирования, которое за более чем полувековую историю двигалось в русле включения социально-экономической проблематики (как локальных вопросов, так и самой широкой тематики) в свое исследовательское поле [14]. Отсюда и интерес к особенностям этой динамики – ее линейному или циклическому характеру, периодам завышенных ожиданий и сменяющим их периодам разочарования и т. д.

Заключение

Исследование социальных ожиданий в рамках STS отражает интерес к социальной, в том числе социально-экономической, а значит, и маркетинговой, составляющей технологического прогресса. Осмысление социального предвидения в эпистемологии и социальных науках за последнее столетие привело к тщательной проработке проблемы конститутивной функции такой формы предвосхищения будущего, а также к пониманию того, что ее невозможно ограничить рамками только научной прогнозной деятельности. Затем этот же вывод был экстраполирован и на область технологического развития. Хотя, казалось бы, в случае предвосхищения новых технологий и новой техники не обойтись без специальных знаний, тот факт, что решения принимаются не в лабораториях и инженерных бюро, обуславливает значение социально распределенного предвосхищения для формирования направлений технологического процесса и отдельных инноваций. Поскольку речь идет о необходимой востребованности инноваций и готовности к ним общества в целом, социальные ожидания имеют важнейшее конститутивное значение. Таким образом, сама социальная практика в условиях современного этапа развития сферы НИОКР и общественных отношений делает востребованным анализ социальных ожиданий, к которому эпистемология и социальная теория оказываются в целом готовы.

Предложенная выше оппозиция знания–информация позволяет выявить один из путей формирования социальных ожиданий от технологического развития. Она же, как представляется, позволит реализовать критический анализ возможных форм работы с социальными ожиданиями как фактором технологического развития. Представление социальных ожиданий от технологического развития в оптике анализа противоречий современного общества позволяет формулировать и конкретные меры, направленные на снижение связанных с такими ожиданиями негативных эффектов для научно-технологического и социально-экономического развития, и более эффективного использования их мотивационного и социально-организующего потенциала [15].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №19-511-04003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Guice J.** Designing the future: the culture of new trends in science and technology // *Research Policy*. 1999. Vol. 28. P. 81-98.
2. **Friedman B.M.** Optimal expectations and the extreme information assumptions of “rational expectations’ macromodels” // *Journal of Monetary Economics*. 1979. No. 5. P. 23-41. P. 26-27.
3. **Borup M., Brown N., Konrad K., Lente van H.** The Sociology of Expectations in Science and Technology // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2006. Vol. 18. No. 3/4. P. 285-298. DOI: 10.1080/09537320600777002
4. *Contested Futures. A sociology of prospective techno-science* / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. XIV+277 p.
5. **Hoover K.P.** The rational expectations revolution: an assessment // *Cato Journal*. 1992. Vol. 12. No. 1. P. 81-96.
6. **Песаран М.Х.** Ожидания в экономической теории // *Панорама экономической мысли конца XX столетия* / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта; пер. с англ. под редакцией В.С. Автономова, С.А. Афонцева Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 192-218.
7. **Merton R.K.** The Self-Fulfilling Prophecy // *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8. No. 2. P. 193-210.
8. **Grunberg E.** Predictability and Reflexivity // *American Journal of Economics & Sociology*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 475-488.

9. **Поппер К.Р.** Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. №8. С. 49-79; №9. С. 22-48; №10. С. 29-58.
10. **Sunstein C.** Deliberating Groups versus Prediction Markets (or Hayek's Challenge to Habermas) // Episteme. 2006. No. 3(3). P. 192-213. DOI:10.3366/epi.2006.3.3.192
11. **Sanz-Menendez L., Cabello C.** Expectations and Learning as Principles for Shaping the Future // Contested Futures. A sociology of prospective techno-science / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. P. 229-250.
12. **Deuten J.J., Rip A.** The Narrative Shaping of a Product Creation Process // Contested Futures. A sociology of prospective techno-science / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. P. 65-86.
13. **Sung J.J., Hopkins M.M.** Towards a Method for Evaluating Technological Expectations: Revealing Uncertainty in Gene Silencing Technology Discourse // Technology Analysis & Strategic Management 2006. Vol. 18. No. 3/4. P. 345-359. DOI: 1080/09537320600777119
14. The Handbook of Technology Foresight: Concepts and Practice // Ed. By Georghiou L., Cassingena Harper J., Keenan M., Miles I., Popper R. Edward Elgar Publishing, 2008. 456 p.
15. **Пирожкова С.В.** Социальные ожидания от технологического развития и эволюция управленческой деятельности // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 17–18 октября 2019 г., Москва / Отв. ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2019. С. 219-223.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020 г.

REFERENCES

- [1] **J. Guice**, Designing the future: the culture of new trends in science and technology, Research Policy. 28 (1999) 81-98.
- [2] **B.M. Friedman**, Optimal expectations and the extreme information assumptions of “rational expectations” macromodels, Journal of Monetary Economics. 5 (1979) 23-41.
- [3] **M. Borup, N. Brown, K. Konrad, H. van Lente**, The Sociology of Expectations in Science and Technology, Technology Analysis & Strategic Management. 3/4 (18) (2006) 285-298. DOI: 10.1080/09537320600777002
- [4] Contested Futures. A sociology of prospective techno-science. Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016.
- [5] **K.P. Hoover**, The rational expectations revolution: an assessment, Cato Journal. 1 (12) (1992) 81-96.
- [6] **M. Kh**, Pesaran Ozhidaniya v ekonomicheskoy teorii [Expectations in economic theory], Panorama ekonomicheskoy mysli kontsa XX stoletiya [Panorama of economic thought at the end of the XX century], ed. by D. Grineueya, M. Blini, I. Styuarta, vol. 2, Moscow, 2002, pp. 192-218.
- [7] **R.K. Merton**, The Self-Fulfilling Prophecy, The Antioch Review. 2 (8) (1948) 193-210.
- [8] **E. Grunberg**, Predictability and Reflexivity, American Journal of Economics & Sociology. 4 (45) (1986) 475-488.
- [9] **K.R. Popper**, Nishcheta istoritsizma [The Poverty of Historicism], Voprosy filosofii. 8 (1992) 49-79; 9 (1992) 22-48; 10 (1992) 29-58.
- [10] **C. Sunstein**, Deliberating Groups versus Prediction Markets (or Hayek's Challenge to Habermas), Episteme. 3 (3) (2006) 192-213. DOI:10.3366/epi.2006.3.3.192
- [11] **L. Sanz-Menendez, C. Cabello**, Expectations and Learning as Principles for Shaping the Future. In: Contested Futures. A sociology of prospective techno-science. Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016, pp. 229-250.
- [12] **J.J. Deuten, A. Rip**, The Narrative Shaping of a Product Creation Process. In: Contested Futures. A sociology of prospective techno-science, ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016, pp. 65-86.
- [13] **J.J. Sung, M.M. Hopkins**, Towards a Method for Evaluating Technological Expectations: Revealing Uncertainty in Gene Silencing Technology Discourse, Technology Analysis & Strategic Management. 3/4 (18) (2006) 345-359. DOI: 1080/09537320600777119
- [14] The Handbook of Technology Foresight: Concepts and Practice. Ed. by L. Georghiou, J. Cassingena Harper, M. Keenan, I. Miles, R. Popper. Edward Elgar Publishing, 2008.

[15] **S.V. Pirozhkova**, Sotsialnyye ozhidaniya ot tekhnologicheskogo razvitiya i evolyutsiya upravlencheskoy deyatel'nosti [Social expectations from technological development and evolution of management], Refleksivnyye protsessy i upravleniye. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo mezhdistsiplinarnogo simpoziuma «Refleksivnyye protsessy i upravleniye» 17–18 oktyabrya 2019 g., Moskva [Reflection processes and management]. Ed. by V.Ye. Lepskiy. Moscow, 2019, pp. 219-223.

Received 05.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Пирожкова Софья Владиславовна

Pirozhkova Sophia V.

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020